

(Суровцев В.А.) Божественный Людвиг-Бедный Людвиг (о переводах Витгенштейна). 1999.

В.А.Суровцев

БОЖЕСТВЕННЫЙ ЛЮДВИГ? — БЕДНЫЙ ЛЮДВИГ!

(некоторые замечания о новейших переводах Л.Витгенштейна) [1]

[Витгенштейн Л. Из «Тетрадей 1914-1916» // Логос, №6.– М.: Гнозис, 1994; Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Логос, №1.– М.: Дом интеллектуальной книги, 1999; Витгенштейн Л. Голубая книга.– М.: Дом интеллектуальной книги, 1999; Витгенштейн Л. Коричневая книга.– М.: Дом интеллектуальной книги, 1999; Витгенштейн Л. Лекции и беседы об эстетике, психологии и религии.– М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. (Перевод В.П.Руднева.)]

Переводческий бум, разразившийся некоторое время назад и продолжающийся до сих пор, позволил наконец-то русскоязычному читателю познакомиться с целым рядом выдающихся мыслителей двадцатого века. Э.Гуссерль, М.Хайдеггер, М.Фуко и многие другие стали доступны непосредственно, а не через чужие пересказы. Не вдаваясь в анализ причин отсутствия переводов, укажем лишь на то, что в ряду современных философов Л.Витгенштейну повезло больше других. Первый перевод Логико-философского трактата на русский язык увидел свет уже в 1958г., в 80-х появился перевод некоторых мелких работ и отрывков из более крупных. Наконец в 1994 году появился солидный двухтомник, в котором помимо нового перевода Трактата было представлено второе основное произведение Л.Витгенштейна *Философские исследования* и ряд других трудов. В меньшей степени корифею аналитической философии повезло как предмету исследования. Здесь за исключением ставших уже классическими работ М.С.Козловой, А.Ф.Грязнова и З.А.Сокулер, вышедших достаточное время назад, прогресс незначителен. На этом фоне тем более интересным выглядит появление автора (имеется в виду В.Руднев), который в многочисленных публикациях активно пропагандирует идеи Витгенштейна, как косвенно, разъясняя его идеи в своих работах, так и прямо, поставляя читателю всё новые и новые переводы. Цель нашей рецензии – проанализировать качество отдельных экземпляров этой продукции[2].

I. РАННИЙ ВИТГЕНШТЕЙН.

Из последних достижений В.Руднева особый интерес вызывает представленный им на суд общественности новый, комментированный

перевод Логико-философского трактата (первые разделы опубликованы в журнале Логос №1.- М.: Дом интеллектуальной книги, 1999; ожидается продолжение), публикацию которого предваряет статья Божественный Людвиг, обозначенная как хроника жизни философа и, по-видимому, призванная вызвать у непосвященного читателя чувство благоговения перед нелёгким творческим развитием гения. Что же, цель хорошая. Правда, ряд сведений, предлагаемых в хронике, мягко говоря, ошибочны. Автор хроники, например, сообщает нам (стр.88), что сотрудничество Рассела и Витгенштейна, в результате непочтительного письма последнего, прервалась на 15 лет в марте 1914 года. Однако их переписка продолжалась до октября 1915 года и прервалась только в связи с превратностями войны, а возобновилась в феврале 1919 года. Более того, в декабре этого же года они встречались в Гааге. Неверно и указание (стр.87) на дату (1980 год) первой публикации витгенштейновых Заметок, продиктованных Муру, которые впервые появились в 1961 году в качестве приложения к Дневникам 1914-1916, изданным Г.фон Вригтом и Г.Энском. Кроме того, значительную часть сведений, предлагаемых хронистом, иначе как курьёзом не назовёшь. Так на стр.88 говорится, что «на фронте у Витгенштейна постоянно был дифтерит»; интересно, как В.Руднев представляет себе эту болезнь. Он же утверждает (стр.89), что Дэвид Пинсент, которому посвящён Трактат, погиб в воздушном бою 8 мая 1919 года, а «Витгенштейн закончил Трактат в 1919 году, незадолго до плена». Хотелось бы уточнить у нашего хрониста, с кем воевал Пинсент и к кому попал в плен Витгенштейн, если первая мировая война закончилась в ноябре 1918 года. Неверны и другие сведения, как, например, следующее (стр.103): «Как известно, Фреге, которому Витгенштейн послал копию Трактата, заявил, что ничего там не понял». Как известно, Фреге ничего такого не заявлял; о непонимании с его стороны Витгенштейн сообщает в письме Расселу. Однако не будем слишком строги к автору, и отнесём эти курьёзы на счёт невнимательности. Гораздо большие нарекания вызывает общая характеристика Трактата (стр.89), кратко представленная в хронике. Из трёх основных тезисов все три неправильны либо частично, либо совершенно. Наш автор пишет, что мистическая сторона Трактата состоит в невозможности высказать словами то, «в чём состоит суть соответствия между предложением и фактом». Однако это лишь частично верно, поскольку к области мистического относится, прежде всего, созерцание мира как органического целого с точки зрения ценностей [6.44;6.45], которое обнаруживает себя в совокупности всех предложений. Совершенно неверно утверждение В.Руднева о существовании одного инвариантного предложения. У Витгенштейна речь идёт лишь об общей форме предложения, которая к тому же не является результатом «логического вывода путём операции последовательного отрицания всех предложений», а наоборот, является методом порождения всех возможных предложений. Ещё более экстравагантным выглядит трактовка тавтологий, которые, по мнению автора хроники, рассматриваются в Трактате, «как возможности сказать одно и то же разными способами». У Витгенштейна же речь идёт о том, что тавтологии вообще ничего не говорят, но являются частью символизма [4.46–4.465].

Однако оставим в стороне столь непритязательный жанр, как жизнеописание и обратимся к основной части. Затевая новый перевод Трактата, В.Руднев обосновывает своё предприятие, во-первых, тем, что ему «удалось исправить некоторые принципиальные ошибки, как первого, так и второго русского переводов Трактата. Это касается не только таких очевидных вещей, как *Sachverhalt*, который уже невозможно переводить как атомарный факт, но и гораздо более тонких вещей» (стр.100), а стало быть, целью его проекта было «прокомментировать некоторые неверно понятые переводчиками места витгенштейновского текста» (стр.99); во-вторых, автор перевода ставил задачу прокомментировать «строка за строкой» мысль Витгенштейна от первого предложения до последнего. Прежде, чем рассмотреть комментарий, обратимся непосредственно к переводу.

Перевод В.Руднева, и это сразу бросается в глаза, действительно отличается некоторыми особенностями. В частности, переводчик пишет некоторые слова, которые он считает важнейшими для Витгенштейна, с большой буквы. Здесь, конечно, сразу возникает вопрос, на чём основывается выбор важнейших слов, и чем последние отличаются от менее важных? Ссылка на то, что в немецком языке все существительные пишутся с большой буквы, к делу не относится, поскольку все очевидно отличается от некоторые. Исправляя отдельные принципиальные «ошибки», переводчик создаёт и новый словарь немецкого языка; например, он переводит *Sprache* не как язык, а как речь, ссылаясь на то, что для Витгенштейна оппозиция языка и речи, поскольку он не был знаком с трудами Соссюра, не играла никакой роли. Однако автор Трактата очевидно был знаком со словом *Rede*, которое применил бы, если бы счёл нужным. Оказывается, приём, связанный с заменой одного слова на другое с иным смысловым полем, нужен переводчику для того, чтобы избавиться от «замысленных» переводческих штампов. Так фразу «*Die Sprache verkleidet den Gedanken*» [4.002] он предлагает переводить не как «Язык переодевает мысли», а как «Речь маскирует мысль». Конечно, стремление к новизне похвально, ведь переводческих штампов становится всё больше; возьмём, например, фразу «*Cogito ergo sum*», интересно, как бы перевёл её В.Руднев.

Памятуя о последней особенности, мы с вниманием отнеслись к предлагаемому словарю. Сначала выскажем некоторые соображения по поводу ключевых терминов. *Sachverhalt* переводится, как Положение Вещей, поскольку, считает В.Руднев, последнее выражение «этимологически наиболее близко к оригиналу». Честно говоря, мы оказались в затруднении по поводу того, что здесь означает слово этимологически, однако независимо от этого данный вариант представляется нам неадекватным. Положение вещей, как указывал сам Витгенштейн в письме к первому переводчику Трактата на английский язык Огдену, используя выражение *status rerum*, в большей степени соответствует слову *Sachlage*.^[3] Кроме того, такой перевод изменяет смысл некоторых афоризмов, превращая их из утверждений в тавтологии. Например, афоризм 2.011 «*Es ist dem Ding wesentlich, der Bestandteil eines Sachverhaltes sein zu konnen*» в переводе В.Руднева выглядит так: «Для Вещи существенно, что она может быть составной частью Положения Вещей».

Последнее выражение выглядит чем-то аналогичным следующему: «Для мяса цыплёнка существенно то, что оно может быть составной частью цыплёнка», тогда как в немецкой фразе Ding явно контрастирует с Sachverhalt.

Следующий термин – Bild. Переводить это термин нужно как образ, а не как Картина, и уж тем более Картинка, по нескольким причинам. Во-первых, это слово тесно связано с математической терминологией, описывающей функциональные отношения между множествами, от которой во многом зависел Витгенштейн и которая в отечественной математической литературе именно в таком виде соответствует немецкой. Во-вторых, перевод этого термина как Картина скрывает его связь с другим ключевым термином abbilden (отображать). В-третьих, такой перевод не согласуется с контекстом Трактата, где Витгенштейн как о Bild говорит о нотной записи, звуковых волнах, грампластинке [4.011;4.014], которые в каком-то смысле можно назвать образами, но ни в коем случае не картинами.

Далее, совершенно необоснован перевод терминов Satz (предложение) и Beschreibung (описание), которые переданы Рудневым как Пропозиция и Дескрипция соответственно. Предложенные варианты суть калькированные выражения с английской версии Трактата и их использование оправдано не в большей степени, чем перевод Sachverhalt как атомарный факт.

Что касается множества остальных терминов, то в целом переводчик обращается с немецкими словами весьма вольно, используя те значения, которые не найдёшь ни в одном словаре. Например, Ausdruck der Gedanken [предисловие] переводится не как выражение мыслей, а как проявление мыслей, zusammengesetzt [2.021] не как составные, а как сложные и т.п. Кроме того, зачастую термины переводятся непоследовательно, как, например, darstellt в афоризме 2.201 передан как представляет, а в афоризме 2.202 – как изображает. Все эти моменты выглядят весьма странными на фоне провозглашаемой в комментарии к афоризму 2.1 строгой терминологической однозначности.

Но если терминологическую небрежность ещё можно отнести на счёт экстравагантного метода автора, то неверный перевод афоризмов можно объяснить только плохим знанием грамматики. Например, переводчик переводит артикли [2.01] там, где это совершенно необоснованно, и не обращает на них внимания там, где как раз требуется уточнение [2.012], вставляет отсутствующие в оригинале слова (определённые в афоризме 2 или ложна в 2.0211) и пропускает слова и целые выражения там, где они есть (в оригинале [предисловие] вместо фразы «на непонимании нашего языка» стоит «на непонимании логики нашего языка», что имеет совершенно иной смысл; в 2.021 после «вне пространства» пропущено «о временных – вне времени») и т.д. Особое недоумение вызывает постоянное несоблюдение чисел существительных (например, Sachverhalt в 2.062, Sachlage в 2.11 и 2.202 в оригинале стоят в единственном числе, а не во множественном, как в

перевод). Подобные нарушения обесмысливают перевод, делая и без того сложный текст Витгенштейна совершенно непонятным.

Видимо, указанные недостатки как раз и относятся к тем «гораздо более тонким вещам», исправить которые ставил перед собой целью наш переводчик. Но обратимся к вещам более принципиальным. Некоторые из афоризмов Трактата в переводе В.Руднева не просто неадекватны, они совершенно изменяют смысл, и не имеют с оригиналом ничего общего.

Возьмём, например, афоризм 1.11, который в переводе выглядит следующим образом:

«Мир определён посредством Фактов и благодаря тому, что все они являются Фактами», и сравним с оригиналом:

«Die Welt ist durch die Tatsachen bestimmt und dadurch, daß es alle Tatsachen sind.» (Перевод: «Мир определён фактами и тем, что это все факты.»)

Смысл оригинала очевидно отличается от перевода. Последний утверждает нечто совершенно невнятное, тогда как у Витгенштейна речь идёт о том, что помимо фактов, определяющих мир, никаких других фактов нет. Ещё пример, афоризм 2.0201 В.Руднев передаёт так:

«Каждое утверждение о комплексах позволяет себя разложить на утверждение о своих компонентах и Пропозиции, которые описывают эти компоненты.»

Разобраться, о чём здесь идёт речь, совершенно невозможно, несмотря на приложенный комментарий, который можно скорее отнести к взглядам Г.Фреге, а не Л.Витгенштейна. В Трактате же речь идёт об анализе предложений, содержащих определённые дескрипции:

«Jede Aussage über Komplexe läßt sich in eine Aussage über deren Bestandteile und in diejenigen Sätze zerlegen, welche die Komplexe vollständig beschreiben.» (Перевод: «Каждое высказывание о комплексах разложимо на высказывание об их элементах и на предложения, описывающие комплексы в целом».)

Можно добавить, что в Заметках по логике (1913) Витгенштейн отождествляет предложение, говорящее о комплексе в целом, с предложением, говорящем о его существовании. Ещё более «интересным» выглядит афоризм 2.1515, который в оригинале гласит следующее:

«Diese Zuordnungen sind gleichsam die Fuhler der Bildelemente, mit denen das Bild die Wirklichkeit berührt.»

В.Руднев даёт совершенно невероятный перевод: «Это идентифицирующее устройство нечто вроде органов чувств Картины, которыми Картина соприкасается с реальностью». Откуда взялось идентифицирующее устройство

и что это за органы чувств у Картины? Просто фантастика. Die Fuhler здесь отнюдь не органы чувств. Как писал Витгенштейн Огдену, под этим словом он понимал усики бабочки[4]. Перевод данного афоризма должен выглядеть так: «Эти соотнесения — как бы усики элементов образа, посредством которых образ касается действительности.»

Впрочем, оправдание подобным нелепостям можно найти в одной из многочисленных работ самого переводчика, где он, в частности, пишет: «Могу сказать со знанием дела, что ничто так не оупляет человека, как многократное вдумчивое чтение Трактата»[5]. Но, руководствуясь презумпцией невиновности, мы всё-таки сочли, что аберрации смысла при переводе вызваны действительно вдумчивым чтением, а его радикальная новизна отталкивается от работы, проделанной с теми материалами Витгенштейна, которые близко примыкают к Трактату, (имеются в виду Tagebucher 1914-1916). Тем более, что такое предположение оправдано наличием перевода (пусть и частичного), сделанного тем же самым переводчиком (см. Витгенштейн Л. Из «Тетрадей 1914-1916» // Логос, №6.- М.: Гнозис, 1994)[6]. Увы, наши ожидания не оправдались. К данному тексту относятся не только все высказанные ранее замечания (как то несоблюдение чисел существительных, времён глагола, последовательного перевода терминов), ситуация здесь совсем плачевна. Все переводы заметок на наш взгляд можно разделить на три группы: во-первых, бессмысленные, т.е. утрачивающие смысл при переводе; во-вторых, переведённые с точностью до наоборот или демонстрирующие такой смысловой сдвиг, что об адекватном понимании не может быть и речи; в-третьих, имеющие большее или меньшее соответствие оригиналу. К сожалению, фраз третьей из вышеперечисленных групп меньше всего. Но не будем голословными и приведём примеры.

Группа 1. Начало записи от 29.7.16. в переводе гласит:

«Ибо фактом логики является то, что она (логика(?) - перев.) не хочет стоять в какой-либо логической связи со своим собственным наполнением».

Бессмысленность перевода усугубляется в данном случае вопросом, в скобках заданным переводчиком, наверное, Витгенштейну. По-видимому, он чувствует, что здесь что-то не так. Однако обратимся к оригиналу:

«Denn da? der Wunsch mit seiner Erfullung in keinem logischen Zusammenhang steht, ist eine logische Tatsache».

Что следовало бы перевести примерно так:

«Ибо то, что желание не стоит в логической связи со своим исполнением, есть логический факт».

Забавно, не правда ли? Хотя остаётся вероятность того, что В.Руднев и здесь как при переводе Трактата стремится избавиться от «замыленных» фраз. Ещё пример перевода записи от 17.8.16.:

«Операция есть перевод из одного термина в другой по порядку форм».

Оригинал же выглядит следующим образом:

«Operation ist der Ubergang von einem Glied zum folgenden einer Formen-Reihe». (Перевод: «Операция есть переход от одного члена к следующему в ряду форм».)

Перейдём к Группе 2. Запись от 9.7.16. В Руднев переводит следующим образом:

«Если бы могла быть дана наиболее общая форма высказывания, тогда пришёл бы момент, в котором мы обрели бы новый опыт, так сказать, логический».

Оригинал гласит:

«Wenn man nicht die allgemeinste Satzform angeben konnte, dann mu?te ein Moment kommen, wo wir plotzlich eine neue Erfahrung machen, sozusagen eine logische». (Перевод: «Если бы нельзя было задать наиболее общую форму предложения, тогда должен был бы наступить момент, когда мы внезапно обрели бы новый опыт, так сказать, логический».)

Пусть мне объяснят, каким образом на таком переводе можно построить хоть какую-нибудь более или менее адекватную интерпретацию идей раннего Витгенштейна. Но здесь всё-таки достаточно заменить плюс на минус, с другими замечками дело обстоит сложнее. Возьмём, например, запись от 5.8.16: »Das vorstellende Subjekt ist wohl leerer Wahn», которая в переводе В.Руднева гласит: «Мыслящий субъект есть, несомненно, чистая иллюзия». Переводить vorstellende как мыслящий, как минимум, необоснованно. Да и вся фраза в переводе должна звучать скорее так: «Представляющий субъект есть, пожалуй, пустая химера».

Примеры, относящиеся к 1 и 2 группам можно множить и множить. Однако справедливости ради приведём пример и из Группы 3. Пожалуй, лишь перевод единственной фразы не вызвал у нас никаких сомнений. Закljučая запись от 7.7.16., Витгенштейн пишет: «Lebe glücklich!», и В.Руднев, к удивлению, совершенно правильно переводит: «Живи счастливо!»

Можно указать и на литературные достоинства перевода «Из Тетрадей 1914-1916». Последние, особо не проявившись при переводе Трактата, здесь просто-напросто отсутствуют. Как вам, например, фраза: «Если предложение когда-либо собиралось могущим быть построенным, значит, оно уже может быть

построено» (стр.208). От подобного выражения возникает ощущение, что переводчик не в ладах не только с языком оригинала, но и с родным языком. Когда-то Платон получил эпитет Божественный в том числе и за красоту слога своих произведений. Язык Трактата Г.фон Вригт считает образцом немецкой прозы XX века. Но стиль перевода крайне далеко отстоит от образцов русской прозы.

Значительные погрешности в переводе как Трактата, так и подготовительных материалов не могли не сказаться на качестве комментариев. Речь идёт даже не об афоризмах 1.11, 2.0201 или 2.1515, «разъяснение» которых столь же бессмысленно, как и перевод. Многие пояснения В.Руднева говорят об элементарном непонимании рассматриваемой проблематики. Например, комментарий к 2.011 говорит, что «философия должна изучать не сами Вещи, а те положения, которые они принимают, будучи соединены друг с другом». Однако согласно Витгенштейну философия вообще ничего не изучает, она не является теорией, поскольку не продуцирует предложений, которые могут быть истинными или ложными. Философия – это деятельность по прояснению мысли. В комментарии к 2.181 утверждается, что мы можем приписать логическую форму картине, в качестве которой выступает портрет какого-либо человека, только «если будет доказано, что эта картина является портретом некоего определённого человека, и эта будет доказано экспертизой. До тех пор эта картина будет выражать лишь возможное Положение Вещей, а не действительное, она будет обладать Логической Формой лишь *ex potentia*». То есть в представлении В.Руднева логический образ говорит о действительном, а не о возможном, тогда как Витгенштейн утверждает прямо противоположное. Логика имеет дело с любой возможностью, независимо от того, реализована она или нет. Об этом, кстати, говорят предшествующий и последующие афоризмы [2.18; 2.19; 2.201], содержание которых просто невозможно согласовать с приводимым комментарием. Некоторые утверждения переводчика свидетельствуют и о его непонимании традиции, в которую вписаны идеи Трактата. Например, в комментарии к 2.02331 говорится, что «определёнными дескрипциями Рассел называет выражения, значениями которых являются имена». Ничего подобного Рассел не утверждал. Дескрипции и имена связаны с различным познавательным отношением к действительности. Имена – это результат непосредственного знакомства с объектом, тогда как дескрипции – результат знания по описанию. Они не могут выступать значениями друг друга. Имя Скотт не является значением дескрипции автор Веверлея, значением и того, и другого выражения является действительный человек. Непонимание того, что такое дескрипция, демонстрируется бессмысленностью комментариев, в которых фигурирует понятие комплекс. Комплекс – это то, что соответствует дескрипции, а не то, что связано с комплексностью сложного предложения, как, например, считает В.Руднев в комментарии к афоризму 2.0211.

Стоит заметить, что наш автор пытается придать своим разъяснениям видимость объективности, ссылаясь на комментаторскую традицию. В качестве основных авторов здесь фигурируют Э.Стениус и Г.Л.Финч. Не

будем останавливаться на том, что в рамках единого комментария просто невозможно объединить их взгляды на содержание Трактата, которые значительно расходятся как в общем, так и в частностях, зачастую противореча друг другу. Укажем только на то, что изложение их точек зрения мягко говоря неадекватно. В комментарии к афоризму 1.13, где В.Руднев «поясняет» понятие логического пространства, он, апеллируя к Э.Стениусу, в частности пишет: «Логическое пространство в каком-то смысле может совпадать с физическим, а может быть чисто умозрительным, ‘лабораторным’». Совершенно не то мы находим в соответствующем месте у Стениуса. Последний говорит: «Реальный мир занимает только одну ‘точку’ в логическом пространстве возможных миров»[7]. Т.е. логическое пространство не может совпадать ни с каким другим пространством – ни физическим, ни умозрительным, оно есть возможность конфигурации фактов. Аналогична ситуация и со вторым автором. Комментарий к афоризму 2.01 говорит, что «триада Предмет–Сущность–Вещь (Gegenstand–Sache–Ding) различаются, по Г.Финчу, как формальная (Предмет), феноменологическая (Сущность) и материальная (Вещь) стороны объекта». Здесь совершенно неверно передана терминология оригинала. Финч пишет буквально следующее: «Объекты, вещи и сущности имеют общим то, что они могут вступать в структурные отношения: объекты с объектами, вещи с вещами, сущности с сущностями [2.01]. Фактически, они представляют собой три разновидности ‘единств’ – формальное, физическое и феноменальное»[8].

Здесь мы остановимся. Рассмотрение всех особенностей перевода и пояснений к ним потребовало бы написание двойного комментария, одного к Витгенштейну, и другого к В.Рудневу, но это не входило в нашу задачу. По-видимому, вышеприведённых примеров вполне достаточно для того, чтобы дать квалифицированную оценку работы, проделанной по улучшению русской версии Трактата. В заключение лучше сошлёмся ещё на одну фразу рецензируемого автора, который, характеризуя отношение Витгенштейна к своему произведению, заметил (стр.99): «Я думаю, что Витгенштейн и сам не всё там понимал». Комментарии, как говорится, излишни.

II. ПОЗДНИЙ ВИТГЕНШТЕЙН.

Совсем недавно в издательстве «Дом интеллектуальной книги» в переводе В.Руднева вышли в свет витгенштейновы Голубая книга, Коричневая книга и Лекции и беседы об эстетике, психологии и религии. Три небольших книжки призваны дать русскоязычному читателю представление о позднем Витгенштейне. Скажем сразу, читатель, который захочет сформировать собственное мнение о следующем этапе творческого развития одного из ведущих представителей аналитической философии на основании этих работ, будет введён в заблуждение. Обратимся для начала к Голубой и Коричневой книгам, которые, несмотря на то, что их принято публиковать под одной обложкой, в рассматриваемом издании разделены на две брошюры. В.Руднев (по-видимому, чтобы избежать нареканий тех, кто читает тексты не только в переводе, но и в оригинале) сразу же напоминает читателю о своей

переводческой концепции, названной им аналитическим переводом, «суть которого в том, чтобы всё время напоминать читателю о том, что перед ним текст, написанный на иностранном языке» (Голубая книга, стр.4). И действительно, ему это удаётся. На каком языке, например, написано следующее выражение: «Ощущение путешествует от моего тактильного препятствия к моему тактильному глазу» (там же, стр.91). Глядя на эту фразу, читатель сразу убеждается, что этот язык явно не русский. На вопрос о том, что такое тактильный глаз, наверное, не ответил бы и сам Витгенштейн. Или ещё пример: «Мы создаём картину, подобную картине с двумя цветами, возникающую всякий раз, или того барьера, который не позволяет одному человеку подойти поближе к ощущению другого человека, нежели к точке наблюдения его поведения» (там же, стр. 98). Недоумение, которое вызывает эта фраза, не результат неверной ссылки (за точность цитирования мы ручаемся). Как пишет в предисловии о своём переводе В.Руднев, он «на первый взгляд, может показаться несколько растрёпанным» (там же, стр.4), мы же от себя добавим, что таковым он кажется не только на первый, но и на второй, и на третий и все последующие взгляды. В целом текст, созданный переводчиком, вызывает тягостное впечатление. Бессмысленные пассажи перемежаются с фразами, переведёнными с точностью «до наоборот». Возьмем, например, следующий фрагмент:

«Здесь нас заводит в тупик существительные объект мысли и факт, а также различные значения слова существует. Толкование факта как комплекса объектов уничтожает это смешение» (там же, стр.56),

и сравним с оригиналом, который даёт прямо противоположный смысл:

«We are here misled by the substantives ‘object of thought’ and ‘fact’, and by the different meanings of the word ‘exist’. Talking of the fact as a ‘complex of objects’ springs from this confusion» (p. 31) (Перевод: «Мы введены здесь в заблуждение существительными объект мысли и факт, а также различными значениями слова существует. Трактовка факта как комплекса объектов проистекает из этого смешения».)

В общем, ситуация здесь точно такая же, как и в случае переводов текстов раннего Витгенштейна. Чтобы показать всю несуразность перевода, следовало бы сделать новый перевод и осуществить параллельное издание с рецензируемым. К сожалению, на это у нас нет ни времени, ни сил, ни средств.

Ещё более странное впечатление производит перевод Лекций и бесед об эстетике, психологии и религии. Если в Голубой и Коричневой книгах ещё угадывается оригинал, то в данном случае это даже не перевод, а скорее весьма приблизительное изложение пересказов тех, кто слушал Витгенштейна. Начнём с того, что русское издание изменяет структуру английского варианта, где лекции о религиозной вере идут после бесед о Фрейте, а не наоборот. Указано, что перевод – сокращённый, но что именно сокращено, где и по какой причине неясно. Переводчик заменяет изначальную нумерацию записей

оригинала, что ещё более затрудняет идентификацию фрагментов. Не понятен сам мотив сокращений; тем более, что зачастую переводчик оставляет второстепенное, то, что имеет значение примера, пояснения, и пропускает главное, основную мысль фрагмента, без которой оставшаяся часть утрачивает смысл (например, в Лекциях по эстетике (I) фрагменты 24, 31 по нумерации В.Руднева и 25, 32 по нумерации оригинала). Всякий смысл многие пассажи теряют и в результате неверного перевода. Возьмём, к примеру, фрагмент 10, переданный следующим образом: «Такие слова, как помпезный или статичный, могли бы быть выражениями лица». Эта фраза может вызывать только впечатление о душевном нездоровье автора, которому она приписывается. Действительно, каким таким непостижимым образом слова могут быть выражениями лица. Нет, Витгенштейн здесь совершенно не при чём, хотя «на фронте у него и был постоянно дифтерит». В оригинале мы находим следующее:

«Such words as ‘pompous’ and ‘statetly’ could be expressed by faces» (p.4). (Перевод: «Такие слова как помпезный или статичный можно было бы выразить с помощью лиц».)

Данная фраза относится к приведённым выше рисункам физиономий, пропущенных при переводе, которые выражают различные чувства. Или пассаж из второй части тех же лекций, который выглядит совершенно невразумительно: «Нередко говорят, что эстетика это часть психологии. Представление о том, что однажды мы будем более продвинуты во всём – и посвящены во все тайны искусства – понято психологически» (стр.17). Оригинал же вполне понятен:

«People often say that aesthetic is a branch of psychology. The idea is that once we are more advanced, everything – all the mysteries of Art – will be understood by psychological experiments» (p.17). (Перевод: «Люди часто говорят, что эстетика – часть психологии. Эта идея заключается в том, что когда мы становимся более развитыми, всё – все тайны искусства – становится понятным с помощью психологического эксперимента».)

Приводить примеры далее, по-видимому, не имеет смысла. Дотошный читатель сам может осуществить работу по сравнению рассмотренных переводов и оригинальных текстов Витгенштейна, если, конечно, у него есть на это время. От себя же добавим, что ознакомление русскоязычного читателя с таким философом как Людвиг Витгенштейн, который составил целую эпоху в философии, требует особой ответственности. Остаётся только предполагать, какие фантастические интерпретации творчества Божественного Людвиг можно построить на таком переводе Дневников, Логико-философского трактата, Голубой и Коричневой книг, Лекций и бесед (к тому же, учитывая продуктивность автора, мы не сомневаемся, что в его творческом портфеле есть и новые тексты). Мы не рассматривали другие переводы В.Руднева (например, Малькольм Н. Состояние сна.– М.: Прогресс, 1993; Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке // Логос, №1.– М.: Дом

интеллектуально книги, 1999 и т.д.), но качество той продукции, с которой мы познакомились, не вызывает никакого энтузиазма для осуществления этого предприятия. В заключение рецензируемому автору хотелось бы дать совет, который, впрочем, не накладывает никаких обязательств. Чтобы исправить ситуацию, ему следовало бы объявить все свои переводы не более, чем розыгрышем, и срочно засесть за изучение иностранных языков. Не помешало бы также прочесть и некоторую классическую интерпретативную литературу.

Валерий Суровцев

27.04.1999

P.S. Недавно, нам стало известно, что существует перевод знаменитой сказки А.Милна «Винни-Пух»[9], выполненный В.Рудневым в разработанной им аналитической манере и снабжённый подробным комментарием. Бедный А.Милн.

[1] [Логос: философский журнал, № 2, 1999.– С.392-403.– М.: Изд-во «Логос», 1999.]

Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ), грант №97-03-04328.

[2] В процессе написания данной работы использовались следующие издания текстов Л.Витгенштейна: Wittgenstein L. Notebooks 1914-1916.– Oxford: Basil Blackwell, 1979 (параллельный текст на немецком и английском языках); Wittgenstein L. Tractatus logico-philosophicus.– London: Kegan Paul, 1978 (параллельный текст на немецком и английском языках); Wittgenstein L. The Blue and Brown Books.– Oxford: Basil Blackwell, 1958; Wittgenstein L. Lectures and Conversation on Aesthetic, Psychology and Religious Belief.– Oxford: Basil Blackwell, 1966.

[3] Wittgenstein L. Letters to C.K.Ogden.- Oxford: Basil Blackwell, 1973.- P.21.

[4] Op.cit., P.24.

[5] Руднев В. Несколько замечаний по поводу двух логико-философских концепций Рассела // Логос, №8.- М.: изд-во РГГУ, Русское Феноменологическое общество, 1996.- С.281.

[6] Tagebucher Руднев переводит как «Тетради». Возможно, это оправдано, поскольку первая (двуязычная, немецко-английская) публикация этих материалов, подготовленная Г.фон Вригтом и Г.Энском, носит название Notebooks 1914-1916. Однако немецкие издания дают Tagebucher 1914-1916, и в отечественной литературе устоялся перевод «Дневники 1914-1916». На наш взгляд последнее более оправдано: во-первых, из-за компоновки, где заметки календарно упорядочены; во-вторых, ввиду того, что изданные материалы есть

лишь выборка из оригинального текста, осуществлённая первыми публикаторами, которые опустили все заметки, имеющие личный характер. Но это не основание для переименования. Ведь никому, например, не придёт в голову назвать дневники Кафки, если из них исключить все заметки личного свойства, тетрадями.

[7] Stenius E. Wittgenstein's Tractatus.- Oxford: Basil Blackwell, 1960.- P.43.

[8] Finch H.L. Wittgenstein – the Early Philosophy: an Exposition of the Tractatus.- New York: Humanities Press, 1971.- P.9.

[9] “Винни-Пух” и философия обыденного языка.– М.: Гнозис, 1996.

Источник:

Логос: философский журнал, № 2, 1999.– С.392-403.– М.: Изд-во «Логос», 1999